

прозаической версии. Из сатиры с определенной направленностью автор XVIII в. сделал просто занимательную повесть, примыкающую к обширному циклу аналогичных памятников массовой литературы XVIII в.¹

В XVIII в. в тех общественных группах, которые и создавали и читали рукописную «занимательную» литературу, потеряли свою остроту те споры о букве церковного закона, которые в большей или меньшей степени заполняют весь XVII в., а вместе с тем и в повести о куре и лисице выдвинулось на первый план состязание в хитрости. Отсюда расширение диалога, увеличение числа уверток, с помощью которых лиса старается доказать, что она «праведная духовница», нагромождение таких бытовых подробностей, где прежний способ аргументации оказался совершенно не нужен. В этих новых подробностях затерялось основное ядро повести, и сама она в сознании читателя стала, как показывает заглавие одного из списков, историей о «куриозных действиях кура и лисицы»: очевидно, этот читатель воспринял новую обработку старого сюжета, как те забавные истории и анекдоты, которыми изобилуют сборники, начиная с половины XVIII в. Подобные сборники, как мы видим из записей их владельцев, вращались по преимуществу среди разночинной и мелкобуржуазной интеллигенции, которая, в отличие от интеллигенции дворянской, имела свою литературу. Бывшие школьники Славяногреколатинской Академии, канцеляристы и копиисты, а иногда и грамотные дворовые люди, младшие воинские чины были и авторами и читателями этой литературы, по преимуществу занимательной, очень слабо, а иногда и совсем не окрашенной элементами социальной сатиры. Стихотворная обработка повести о куре и лисице дала, подобно этой литературе, и занимательность сюжета, и излюбленную рифмованную прозу — так как правильным стихом нельзя назвать неравносложные строчки «истории», и язык, хотя и сильно славянизированный, но не столько в лексике, сколько в морфологии и фонетике, а потому и нетрудный для понимания человека с средней начитанностью. Наряду с этим, обилие бытовых подробностей, вошедших в диалог, нередко вынуждает автора оживлять свою речь образным разговорным языком. И в этом отношении стихотворная «история о куре и лисице» идет в колее, привычной для читателя того времени.

¹ В одном из списков стихотворной редакции (Гос. Публ. Библ. Q. XIV. 27) отголосок этой забавной литературы выплывает неожиданно, когда лисица описывает все прелести пребывания у нее кур: «а едят толко одно толокно, а поставлена чаша соловецка, а пьют про здоровье молодецко» — ср. встречающийся в списках XVIII в. (см. Гос. Публ. библ. О. XVII. 57) рифмованный стих под заглавием «Чаша моря Соловецкова»: «Чаша моря Соловецкова пить для здравия молодецкова» и т. д.